

Гиа Нодиа

ОБРАЗ ЗАПАДА В ГРУЗИНСКОМ СОЗНАНИИ

Политические события в Грузии в период борьбы за независимость от СССР (1988-1991) и попыток построения новых государственных институтов перед лицом неоимперских притязаний России (1992-1996) можно осмыслить лишь на фоне более или менее неопределенного понятия, которое постоянно маячило в грузинском сознании: "Запад". Как только горбачевская либерализация политического режима сделала возможным возникновение независимых политических движений, нарождающиеся политические элиты стали концептуализировать место Грузии в современном мире и стоящие перед страной политические альтернативы. Эта мыслительная работа происходила в воображаемом двухмерном пространстве, где координатами служили Россия и Запад.

Подразумевалось, что вопрос политической ориентации сводится к простому выбору: Россия либо Запад. Деление партий и политических фигур на "пророссийские" и "прозападные" превалировало над всеми другими принципами определения политических программ.

Я назвал это пространство "воображаемым", хотя и Россия, и Запад вполне реальны и каждая из этих сил в отдельности (особенно Россия) и во взаимодействии оказали большое влияние на посткоммунистическую политическую эволюцию Грузии. Однако эта статья преимущественно посвящена воздействию именно перцепций, образов на поведение действующих лиц на грузинской политической сцене. Образы по определению суть нечто отличное от реальности, хотя, поскольку новые политические элиты имели слабое представление о реальном Западе и действительных механизмах международной политики, в данном случае дистанция между перцепциями и реальностью могла быть особенно большой.

Последующий анализ исходит из двух парадигм, на которых основывалось восприятие Запада в исследуемый период: это парадигма идентичности и парадигма "патрона". Первая подразумевает ответ на вопросы: "кто мы?" и "где наше место?"; вторая касается выбора политической стратегии в современном мире. Без сомнения, эти два аспекта тесно взаимосвязаны. Определение стратегии внутреннего развития в политической либо экономической сфере зависело от основного, "фундаментального" выбора.

Истоки "прозападной ориентации" Грузии

На протяжении веков самоощущение грузинской идентичности (выраженное на уровне культурных и отчасти политических элит) определялось представлением "наше место не здесь". Это означало, что, хотя весь средневековый период Грузия была политически вовлечена в мусульманский мир (в особенности в его арабский, персидский и турецкий сегменты), а в 1801 г. оказалась частью Российской империи, все это рассматривалось как происходящее против ее воли и, что особенно важно, глубинного чувства идентичности. Грузии просто не повезло с соседями. Соответственно, должен был быть какой-то культурно-географический ориентир, "центр добра и надежды", контрастирующий с неприглядностью неудачных соседей. "На самом деле" место Грузии было в этом "центре добра", поэтому обретение ее истинной самости было возможно лишь через установление надлежащей связи с этим центром. Начиная с XIX в. в глазах грузинской элиты центр добра и самости был представлен в образе Запада, или Европы (в большинстве случаев эти два термина - "Европа" и "Запад" - использовались как равноценные, игнорируя различия между европейской и американской моделями "западности" как второстепенные). Таким образом, подразумевалось, что базовый проект Грузии состоял в наведении мостов на Запад и в вестернизации ее самой, что одновременно означало возвращение к истинной самости.

Вместе с тем эта парадигма идентичности была привязана к другой, более практической: поиску надлежащего покровителя. Грузии попались не просто неприятные соседи: последние были прежде

всего намного сильнее и к тому же проявляли экспансионистские наклонности. В XI-XII вв. Грузинское царство контролировало территорию между Черным и Каспийским морями, и в современных терминах ее можно было определить как внушающую уважение региональную державу (или небольшого размера империю, которая включала в себя сегодняшнюю Армению, Азербайджан и часть Турции). После поражения от монголов в начале XIII в. грузинская история вплоть до XIX в. в основном сводилась к нескончаемой борьбе за существование, в которой ей приходилось противостоять попыткам Ирана и Турции установить над ней контроль. Ее стратегия в этой борьбе заключалась в том, чтобы противопоставить одного экспансионистского соседа другому. Стратегия оказалась относительно успешной. Стране удалось отстоять свою самобытность (маркированную в основном через христианство, а также язык) и престол (хотя главенствующая династия распалась на несколько ветвей, каждая из которых самостоятельно выясняла отношения с Оттоманской и Персидской империями). Но этот относительный успех был куплен ценой постоянного напряжения, периодических опустошительных нашествий и обреченности на "отсталость" (т.е. изоляцию от тенденции модернизации). Поэтому постепенно усилилась ориентация на альтернативную стратегию - поиск надлежащего покровителя.

Естественно, легитимность покровителя зависела от того, как Грузия определяла собственную идентичность. Грузия осмысляла себя, конечно, как христианскую страну, а ее функция или миссия концептуализировалась как "форпост христианства", назначенный провидением защитить истинную веру на Кавказе (в борьбе с мусульманами, стремящимися к прямо противоположному - исламизации этого же региона). Неравная борьба не могла продолжаться бесконечно. Рано или поздно "большой" христианский мир должен был прийти на помощь. На практике, конечно, это был бы не "христианский мир" в целом, а определенная держава. В течение всего позднего средневековья наиболее очевидным кандидатом на эту роль казалась Россия: во-первых, сосед, во-вторых, не просто христианская, но единоверно-православная страна. Известна целая серия попыток грузинских царей обрести покровительство России в борьбе против мусульманских соседей. Тем не менее до конца XVIII в. Россия к этим попыткам интереса не проявляла: динамика расширения империи еще не позволяла включить Кавказ в повестку дня. Наконец в 1783 г. был подписан договор между Россией и Грузией (точнее, Восточной Грузией), согласно которому Грузия уступала суверенитет во внешней политике в обмен на защиту от Персии. Трон, средоточие грузинской государственности, сохранялся. Как оказалось, однако, российская интерпретация покровительства коренным образом отличалась от ожиданий Грузии. В 1795 г. Россия палец о палец не ударила, чтобы защитить Грузию от опустошающего персидского нашествия, спровоцированного вышеуказанным договором. С тех пор грузины так и не отделались от горького подозрения, что Россией руководил умысел еще более ослабить Грузию, чтобы облегчить последующий шаг, сделанный в 1801 г.: в одностороннем порядке аннексировать страну, объявив ее одной из своих провинций.

Покровитель пришел, но совсем не такой, каким его ожидали. Россия принесла мир и гарантировала сохранение христианской идентичности Грузии. Она также объединила разрозненные княжества, а относительно мягкая политика некоторых ее наместников даже способствовала развитию грузинской культуры (1). Она же, однако, и обманула Грузию, лишив ее политической самостоятельности, а в дальнейшем создав угрозу и ее культурной самобытности. В результате у грузинских элит развилось глубоко амбивалентное отношение к России, сохраняющееся до сих пор. С одной стороны, грузины благодарны России за то, что она помогла "физическому выживанию" нации (которому, по широко распространенному мнению, угрожали постоянные опустошительные войны), вывела страну из зоны влияния мусульманского мира (который рассматривался не только как культурно чуждый, но и "отсталый") и приблизила ее к современной цивилизации. С другой стороны, Россия была врагом свободы и угрозой самобытности страны. Антироссийский заговор группы грузинских аристократов (они были арестованы до того, как успели начать действовать) в 1832 г. стал наиболее известным проявлением этого протеста.

До XIX в. идея Запада играла лишь периферийную роль в грузинских политических дискуссиях. Стратегическое мышление в основном вращалось в треугольнике Россия - Персия - Оттоманская

империя. В географических терминах выбор фундаментальной ориентации, скорее, выражался в измерении Север - Юг: христианский Север, мусульманский Юг. Тем не менее в грузинской истории начала XVIII в. был эпизод, напоминающий "прозападную ориентацию" последних лет. В это время грузинский писатель и лексикограф Сулхан-Саба Орбелиани возглавил движение за обращение Грузии в католичество в надежде, что у западных стран будет больше желания покровительствовать католической Грузии. Он даже нанес визит Людовику XIV, но безуспешно. Дома он подвергся обструкции православной церкви. Как бы то ни было, но пара католических деревень в Южной Грузии осталась напоминанием возможной вестернизации страны. Орбелиани остался одним из героев в национальном пантеоне, хотя его идея и не нашла многочисленных последователей. В 60-х годах нашего века поэт Мухран Мачавариани, позднее ставший активным сторонником первого грузинского президента Звиада Гамсахурдиа, написал на тему визита Орбелиани к равнодушному французскому монарху популярную балладу, символизирующую невнимание Запада к грузинским просьбам о покровительстве.

Когда новые поколения грузинских интеллектуалов приобщились через учебу в российских университетах к западному политическому мышлению Нового времени, они разделили общую приверженность российской интеллигенции либеральным идеям. Однако дорога западного либерализма разветвлялась. Большинство грузинской элиты последовало эволюции российских либералов в направлении различных версий социализма, устанавливая независимые контакты с западными левыми и обретая влиятельные позиции в общероссийском социалистическом движении. Нико Николадзе, первая выдающаяся фигура этого направления, встречался с самим Марксом. Но была и другая альтернатива, так и не развившаяся в собственно России, - западный либеральный национализм. Грузины стали примерять современную западную парадигму нации, взяв в качестве моделей национально-освободительные движения Запада. Илья Чавчавадзе, видный общественный деятель, писатель и банкир, стал духовным лидером грузинского национального возрождения. Однако до российской революции 1917 г. либеральный национализм Чавчавадзе так и не занял доминирующего положения в политическом дискурсе. Националисты составляли меньшинство среди образованного класса, они были слишком немногочисленными и не осмеливались выдвигать лозунга полной независимости. Их повестка дня концентрировалась на сохранении культурной самобытности; лишь в начале XX в. они начали выдвигать требования автономии в рамках Российской империи.

Таким образом, несмотря на рост культурного национализма, большая часть грузинской интеллигенции не отличалась от российской в смысле приверженности социализму. Не существовало отдельной грузинской социалистической партии, и большинство социалистов первоначально не поддерживала национальных идей. Можно сказать, как и считают многие в Грузии, что, избрав социалистическую идеологию, грузинская элита пошла по стопам российской; но она последовала лишь одной, прозападной тенденции в российской интеллигенции. Для Грузии прозападная ориентация не означала отдаления от России, и наоборот. Но в отличие от России в Грузии не было почвеннической антизападной реакции типа славянофильства.

Большевистская революция принесла с собой разрыв. Большевизм был российской ересью, противостоящей основному направлению западной социал-демократии. Этот потенциал мог не быть замечен с самого начала, но в дальнейшем большевики сделали эту ересь краеугольным камнем для построения новой антизападной цивилизации. Не признав большевистского переворота и сохранив верность классической западной версии социал-демократии, грузинские меньшевики практически предпочли Запад России. Парадоксально, но именно им - тем, кого националисты так часто упрекали за игнорирование "национального вопроса", т.е. невыдвижение лозунга независимости, - выпала доля не только встать во главе первой грузинской независимой республики, но и создать современную парадигму национальной ориентации. Провозгласив независимость в мае 1918 г., они искали гарантов этой независимости на Западе (в лице Германии или Великобритании). В конце концов Грузия предпочла Германию, поскольку та проявила большую заинтересованность в Грузии и, казалось, была близка к победе в войне. В этом Грузия просчиталась; но более важным было рождение новой парадигмы: в силу внутреннего развития Грузия стремится отделиться от

тоталитарной России и стать частью демократического Запада. Последний был обязан обеспечить гарантии безопасности и демократии в противовес имперским притязаниям России. Стремление Грузии обрести членство Лиги Наций стало основным элементом ее попыток обрести эти гарантии. В 1921 г., когда Красная Россия вернула Грузию при помощи военной силы, Запад не помог. Однако помощи от него, без сомнения, ждали, и эти ожидания (несмотря на внутреннюю готовность к разочарованиям) стали стабильным элементом грузинского политического мышления.

Именно в это время начала развиваться идеология культурно-психологической "западности" Грузии в противовес азиатско-деспотической природе России. Согласно этой точке зрения, индивидуализм и свободолюбие грузин резко контрастировали с российским коллективизмом, эгалитаризмом и традициями рабства; таким образом, политическая подчиненность Грузии России вступала в противоречие с грузинским национальным характером (2).

В условиях коммунистического правления грузины имели мало шансов устанавливать контакты с Западом. Тем не менее идея, что Грузия принадлежит Западу в отличие от России, продолжала подспудно развиваться. Конечно, подобные мысли не могли высказываться открыто, и в Грузии не было достаточно сильного диссидентского движения, которое смогло бы оказать серьезное влияние на общественное мнение. Но частичное смягчение тоталитарного пресса в постсталинский период дало возможность теории внутренней грузинской "западности" завоевать определенное влияние в интеллектуальных кругах. Как стало ясно в дальнейшем, именно эта идея оказалась идеологическим обоснованием для по крайней мере одного из течений в оппозиционном антикоммунистическом движении.

Тезис о внутренней "западности" Грузии нашел обоснование в исследованиях грузинских историков Ивана Джавахишвили, Нико Бердзенишвили, Симона Джанашиа, а позднее был развит историками последующих поколений (3). Они описывали социально-экономическую эволюцию грузинского общества в средневековый период. Поскольку они писали во времена Сталина, им было трудно проводить параллели с западными исследованиями и делать выводы о близости средневековых обществ Запада и Грузии. Эти параллели проводились уже их учениками, работавшими в постсталинскую эпоху. Согласно этим исследованиям, вплоть до золотого века Грузии XI-XII вв. эволюция грузинского общества проявляла близкое сходство с "классическим феодализмом" Центральной и Восточной Франции. Это сходство было окрещено "параллельной эволюцией", причем в Грузии процессы опережали западные примерно на один или два века. Сходные признаки включали в себя частное землевладение (неизвестное в азиатских деспотиях), социальную структуру, существование крупных феодальных сеньорий с соответствующим иммунитетом и т.д. Однако начиная с XII в. параллельные линии разошлись. На Западе средневековая система крепостничества начала ослабляться вместе с развитием городов, торговли, представительных институтов и т.д. В Грузии некоторое движение в этом направлении в конце XII в. вызвало трения в отношениях между монархией и аристократией, и именно поэтому находящаяся в разгаре кризиса страна не смогла отразить первое, еще не столь мощное монгольское нашествие. С тех пор она сбилась с пути и оказалась в порочном кругу: бесконечные войны с монголами, персами и турками не оставляли сил для внутреннего развития, отсутствие же последнего уменьшало возможности отсталой страны эффективно противостоять нашествиям. Согласно терминологии Н. Бердзенишвили, страна оказалась в периодах тупика (XIII-XV вв.) и стагнации (XVI-XVII вв.). Тем не менее сохранявшиеся признаки "западности" - христианство и частное землевладение - помогли сохранить собственную идентичность даже под сильным давлением.

Вне зависимости от того, насколько знакомы были с этими теориями интеллигенты, не входившие в узкий круг историков-медиевистов, само существование подобных воззрений придавало больше веса "прозападной ориентации": ведь в истории искали основания для определения собственной идентичности. Эти теории не обязательно подразумевали контраст между грузинским и российским средневековыми обществами, но многие грузинские интеллектуалы считали, что феодальная система Грузии типологически ближе европейской, тогда как российская была более деспотичной. Теория "грузинского Ренессанса", выдвинутая другим грузинским ученым Шалвой Нуцубидзе,

считавшим, что ренессансные идеи получили развитие в средневековой Грузии раньше, чем в Италии, представляют собой характерное проявление той же тенденции. Последняя концепция, однако, имела меньше сторонников.

Оценка основательности тех или иных исторических гипотез - вне рамок этой статьи и компетенции автора. Возможно, они надежно укоренились в исторической реальности, но могут и представлять желаемое за действительное. В любом случае благодаря им "прозападная ориентация" Грузии находила определенное теоретическое обоснование.

Особое значение медиевистики для обоснования внутренней "западности" Грузии может быть объяснено тем, что в коммунистическую эпоху более явные и ориентированные на современность проявления прозападной ориентации были бы наказуемы. Но это же обстоятельство можно интерпретировать и по-другому: менее отдаленные периоды истории просто предоставляли меньше аргументов в пользу тезиса о "западности".

После коммунизма: Запад обязан помочь

Период независимости 1918-1921 гг., казалось, не вызвал слишком глубоких изменений в самовосприятии грузинской политической идентичности как на массовом, так и на элитарном уровне - в отличие, например, от Балтийских стран. Грузины не успели привыкнуть к жизни в независимой стране, и не было такого поколения, для которого самосознание гражданина Грузии стало бы естественным. Тем не менее, когда грузинское политическое сознание стало размораживаться после десятилетий коммунистического правления, парадигмы, успевшие сформироваться в краткий просвет независимости, оказались доминирующими. Основная система ориентиров осталась прежней: с одной стороны была тоталитарная Россия, силой завоевавшая Грузию и желающая сохранить контроль над ней с помощью прямых силовых или завуалированных методов, на другой же стороне стоял Запад - олицетворение свободы и справедливости, - который должен был прийти на помощь.

Очевидно, что этот подход представлял собой лишь новую интерпретацию старой парадигмы. Как и в средние века, Грузия не могла самостоятельно противостоять силе, стремящейся над ней доминировать. Она опять нуждалась в союзнике, читай - покровителе, патроне. Только в качестве враждебной силы, стремящейся поработить Грузию, выступает не мусульманский мир, а Россия, тогда как ее прежнюю роль естественного союзника/покровителя играет Запад. Хотя Грузия начала определять свой фундаментальный выбор в измерении "Запад-Россия" лишь после большевистской революции, более глубокая, парадигматическая уверенность в том, что спасение от злого соседа должно прийти от сильного и благожелательного покровителя, без сомнения - средневекового происхождения. Помня, что представление о внутренней "западности" Грузии тоже главным образом основано на медиевистских исследованиях, комбинация объявленной "прозападной ориентации" в текущей политике с фактически средневековой интерпретацией международных отношений стала характерной особенностью грузинской политической мысли на целый период.

Одним из выводов из вышеописанного подхода, широко разделяемого грузинским национальным движением, особенно на раннем его этапе, было то, что Запад морально обязан помочь Грузии. Во-первых, Запад должен заботиться о Грузии, поскольку она ему внутренне принадлежит: заботясь о Грузии, Запад заботится о самом себе. Во-вторых, в отличие от России Запад виделся олицетворением справедливости, он, по определению, обязан был поддерживать справедливые требования, а стремление Грузии к независимости было, без сомнения, справедливо. Запад рассматривался как объективный арбитр, который к тому же обладал властью осуществлять собственный приговор. Если он не помогал Грузии, значит либо были плохи определенные западные политики, либо Западу приходилось идти на временные компромиссы с Россией, либо в конкретный момент ему было не до Грузии. Но в принципе моральный долг оставался в силе, и от Запада ожидалось по крайней мере сочувствие устремлениям Грузии - к независимости, а затем к территориальной целостности.

Эта наивная вера в Запад проявилась в фетишизации "международного права". С самого начала в грузинском национально-освободительном движении доминировало крыло, которое называло себя "непримиримой" или "радикальной" оппозицией. "Радикальность" здесь означала не легитимацию вооруженных методов борьбы (на деле радикалы в конце концов привели Грузию к периоду смуты и насилия, но это насилие никогда не было направлено на объявленную главным врагом "имперскую Россию"). Эта оппозиция исходила из того, что, поскольку Грузия была присоединена к России против ее воли, все существующие государственные институты представляли собой "оккупационные силы", значит, любое сотрудничество с ними (например, участие в официальных выборах) было аморально и политически неприемлемо и никакие советские законы не могли быть признаны обязательными. Независимая Грузинская республика 1918-1921 гг., признанная в свое время частью великих держав, рассматривалась как юридически все еще действительная единица "с точки зрения международного права". Эта символически существующая независимость была принята за стратегическую основу, на которой следовало надстраивать все будущие завоевания. Отсюда первая заповедь философии радикалов: не делать ничего, что поставило бы под сомнение "признанную международным правом независимость". Стратегия "народных фронтов" Балтийских стран: прийти к власти через "советские выборы", а затем продвигать дело независимости при помощи институтов, легитимность которых Москва не смогла бы поставить под сомнение, - означала для оппозиции презренный "коллорабационизм", подрывающий этот священный принцип (4).

Критиковать эту позицию с точки зрения политического реализма проще простого. Лидеры "непримиримых" терпеть не могли вопроса, как именно они собирались достичь независимости. Уже сама постановка вопроса отдавала для них "коллорабационизмом". Как и полагается радикалам, на самом деле они и не преследовали конкретных политических целей, а просто выражали инфантильный протест против существующего положения вещей. Но если стратегическая ориентация исключительно на "международное право" и имела какой-то рациональный смысл, то он состоял в надежде на западную помощь. Радикальные движения родились из советской диссидентской практики, тактика которой строилась на том, что выражение протеста увидит западный репортер и оно станет достоянием гласности через западные средства массовой информации, прежде всего радиостанции ("Голос Америки", Радио "Свобода", Би-Би-Си и т.д.). Поскольку советские власти действительно избегали такого рода гласности, тактика была до определенной степени успешной. Когда радикальные националисты говорили "мы признаем только международное, а не советское право", они как бы посылали на Запад двойной сигнал: во-первых, "мы разделяем ваши ценности" и, во-вторых, "вы должны нас поддержать" - ибо что такое Запад, если он не поддержит "международное право"? Акции гражданского неповиновения - единственные законные методы борьбы, признаваемые радикальной оппозицией, - были направлены на подрыв коммунистического правления и, по крайней мере на эзотерическом уровне "непримиримых" стратегов, имели целью моральный нажим на Запад: если мы проявляем решимость и готовы на жертвы, ваше невмешательство аморально.

Массовый мирный многодневный митинг в начале апреля 1989 г. с радикальными антикоммунистическими и национально-освободительными лозунгами был пиком кампании "радикалов". Побоище, учиненное советскими войсками 9 апреля, в результате которого было убито 20 человек, в основном молодых девушек и женщин, обернулось моральной победой для лидеров "непримиримых" и переломным пунктом в борьбе Грузии за независимость. В результате коммунистический режим внутренне сломался и утратил остатки легитимности, передав фактическую власть радикалам из национально-освободительного движения. Этот эпизод внес лепту в делигитимацию советской коммунистической диктатуры в целом: общественные протесты против тбилисского побоища привели к так называемому тбилисскому синдрому, т.е. страху применять силу против антикоммунистических и антисоветских движений. Тем не менее поначалу организаторы митинга имели довольно туманное представление о том, что они собирались делать и как долго митинг должен был продолжаться. Всем было ясно, что, поскольку Грузия была частью Советского Союза, там не могло случиться то, что позже получило название "бархатной революции", и даже радикальные лидеры не питали иллюзий на этот счет. Хотя энтузиазм

радикально-освободительного движения доминировал в городе, многие выражали сомнения в продуманности акции. На эту критику существовал эзотерический ответ: незадолго до начала акции американские сенаторы Хелмс и Уилсон инициировали слушания по грузинскому вопросу, в результате которых легитимность инкорпорации Грузии в СССР в 1921 г. подверглась сомнению. Тбилисский митинг должен был оказать давление на эти слушания, посылая сигнал американским политикам, что Грузия действительно чувствовала себя оккупированной и насильственно аннексированной коммунистической Россией и что она в этом смысле не отличалась от стран Балтии.

Поиски и ожидания западной поддержки не были единственным проявлением "прозападной ориентации" Грузии. Грузия должна была заимствовать модели государственности исключительно от Запада, и единственной наличной моделью виделось демократическое национальное государство. Само собой разумеется, что, во-первых, Грузия должна была стать независимым государством (если Франция или Румыния независимы, почему таковой не должна была стать Грузия) и, во-вторых, независимая Грузия стала бы демократическим государством с рыночным хозяйством (будучи "западной" страной по своей сути, получив возможность беспрепятственного развития, она начала бы действительно походить на другие западные страны).

Ни один из этих вопросов (независимости и демократии) так и не стал предметом серьезной публичной дискуссии. Это не означало, что никто не сомневался в перспективах грузинской независимости или что общество было глубоко привержено демократическим ценностям. Просто не существовало другого языка для выражения политических ценностей и устремлений. Как только коммунизм был отвергнут (по крайней мере идеологически), не осталось никакого другого ориентира, кроме современного Запада.

Гамсахурдиа: первое разочарование

Вскоре после провозглашения независимости общий настрой в пользу западной демократии и рыночной экономики подвергся суровому испытанию. "Прозападные" националисты преуспели в определении общих целей, но реальное развитие событий оказалось не слишком соответствующим их же видению западных идеалов. Корень проблем оказался не в коммунистическо-имперском "центре" - последний сам по себе обнаружил склонность к распаду, - но во внутренней политической динамике, в частности в политической национальной реакции определенных меньшинств (а именно осетин и абхазов) на стремление Грузии к независимости и в проявившемся расколе между различными фракциями национального движения. Новая элита постаралась свести оба ряда проблем к советско-российским провокациям. Эти обвинения были далеко не беспочвенными, поскольку "центр" имел прямой интерес (и способность) усугубить трудности стремящихся к независимости республик через разжигание там внутренних конфликтов. Но вне зависимости от того, были эти проблемы инспирированными извне или произросшими на родной почве (ядро истины есть в обоих утверждениях), они требовали решения, и грузинская элита не смогла подобрать к ним ключ. Вскоре страна стала ареной продолжительных этнотерриториальных войн и гражданских столкновений.

Кроме того, что эти конфликты препятствовали построению нового государства и подорвали доверие к национально-освободительному движению, они разрушили международную репутацию Грузии. Запад не просто не выполнил предполагаемых обязательств и не подал Грузии руку помощи, но действительно повернулся к ней спиной. Дело было не только в том, что Запад не хотел осложнять положение Горбачева, поддерживая националистов на окраинах: этот аргумент был приложим ко всем стремящимся к независимости советским республикам. Грузия получила самую уничижительную западную прессу. Большинство публикаций (многие из них потом перепечатывались в Грузии) представляли грузинские события как нечто фантазмагорическое, а взгляды новой политической элиты - как смесь безумия и фашизма. Это было истинным шоком для грузин, которые чувствовали себя глубоко непонятыми. По крайней мере поначалу они думали, что просто не смогли донести до Запада свою истинную позицию, видя во всем происки той же России

или, самое большое, собственное неумение вести "информационную войну".

Противоречивое правление и падение Звиада Гамсахурдиа, первого посткоммунистического президента страны, снискало ей особенно дурную славу. Хотя Гамсахурдиа не отличался последовательностью ни в своих мыслях, ни в действиях, источник его политических идей можно, тем не менее, однозначно определить как "западный". В 70-е годы он создал правозащитную организацию "Грузинская Хельсинкская группа". Став президентом, он любил сравнивать себя с генералом де Голлем (как сильным демократическим лидером, объединившим нацию) или Вацлавом Гавелом (как диссидентом, ставшим главой государства). Он никогда не подвергал сомнению принципы демократии и представлял себя их стойким приверженцем. Тем не менее 6 января 1992 г. ему пришлось спасаться бегством из здания парламента под бомбардировку повстанцев, которые называли его "диктатором", а себя считали прозападными демократами. Насколько они были действительно привержены демократии, вопрос другой, но что касается Гамсахурдиа, его демократизм подвергался сильному сомнению большинством наблюдателей.

Особенно жесткую критику за рубежом заслужила его этническая политика. Бывший правозащитник, он понимал, что гражданские права в демократической стране не должны зависеть от этнического происхождения, и (в противовес многочисленным обвинениям) никогда не включал в свою программу принцип "Грузия для (этнических) грузин". Он сам обвинял абхазских и осетинских сепаратистов в политике "апартеида" (не совсем безосновательно). Однако его собственная политика грешила именно этим. Его темперамент ярче всего проявлялся в риторике против "неверных" меньшинств. Само существование основанных на этническом принципе автономных единиц Абхазии и Южной Осетии было, без сомнения, взрывоопасным, но агрессивная риторика и бескомпромиссная позиция Гамсахурдиа сильно помогла тому, чтобы взрыв произошел. Подобную же непоследовательность он проявлял в отношениях с политической оппозицией: то он говорил, что существование оппозиции в демократическом обществе - совершенно нормальное явление, но мог и заявить (в интервью тележурналу CBS "60 минут"), что, раз 87% населения избрало его президентом, оппозиция не имела права его критиковать. Каждый реальный оппозиционер заслуживал у него кличку "предателя нации" и "агента Кремля".

Хотя многое в поведении Гамсахурдиа можно списать на личные причуды, его противоречивость во многом выражала вышеописанный конфликт между общей (и в определенной мере искренней) приверженностью западным демократическим принципам и чрезвычайно незападным модусом политического действия. Период национально-освободительного движения с его кульминацией в закончившемся крахом правления Гамсахурдиа обнажил глубокий разрыв между идеальным самопредставлением нации, сложившимся в период, когда Грузия была лишена возможности независимого действия, и теми видами политического поведения, к которым реальные грузины оказались готовы или не готовы. Утерянными оказались даже те политические навыки, которые нация проявила в период независимости 1918-1921 гг. Политическое мышление, будучи в плену мифологии, игнорировало реальность. Язык, на котором изъяснялись новые политики, был причудливой смесью, изготовленной из национализма XIX в. и советского марксизма.

Распад наивного представления о "западности" Грузии и следующий за ним кризис идентичности могли подтолкнуть страну к движению в различных направлениях: либо в сторону переосмысления ориентации Грузии через развитие не- или антизападной, почвеннической концепции "грузинскости"; либо к попытке самокоррекции, после чего последовала бы вторая попытка навести мосты на Запад. В последний период правления Гамсахурдиа, когда он почувствовал себя окончательно отвергнутым Западом, некоторые из его последователей действительно начали склоняться к первому направлению - почвенническому. С тех пор как чеченский сепаратист Дудаев стал единственным другом Гамсахурдиа на международной арене, в центре его идеологии оказалась идея "иберо-кавказской солидарности". Она основывалась на гипотезе о племенной и лингвистической связи между грузинами и группой кавказских народов (чеченцев, абхазов, адыгейцев и других, исключая тюркоязычные народы, осетин, а также южнокавказских соседей Грузии - армян и азербайджанцев). Эта идея, типологически близкая пангерманскому или

панславистскому движению XIX в., допускала определенную альтернативу западничеству притязаниям Грузии. Она не предполагала однозначно антизападной направленности, но, культивируя архаические трайбалистские традиции, эмоционально и психологически контрастировала с западнически-либеральными тенденциями интеллектуальной элиты.

Второе направление, возникшее в стане Гамсахурдиа, пыталось укоренить свою идеологию в фундаменталистской версии православного христианства, причем большинство цитат шло из сочинений жестко антизападного крыла русских богословов начала века. Параноидальные видения о всемирном масонском заговоре сделали грузинских фундаменталистов трудноотличимыми от русских националистов. Однако они никогда не заявляли о своей солидарности с последними: парадоксальным образом Россия осталась врагом, но острое антироссийских настроений было направлено на находящиеся у власти западников, в частности Горбачева и Ельцина. Вражда между двумя российскими лидерами считалась лишь внешним прикрытием антигрузинского заговора, лидерство в котором приписывалось обычно Эдуарду Шеварднадзе, а в числе соучастников фигурировали такие фигуры, как Буш, Бейкер и Геншер.

Обе эти тенденции несли в себе мощный потенциал антизападных настроений. Тем не менее Гамсахурдиа и его сторонники и здесь не были последовательны. Вышеописанные взгляды живы и сейчас, но они так и не развились в более или менее связную доктрину или движение. Они остались чем-то вроде эмоционального фона, но не стали фундаментом идеологии. Гамсахурдиа и его сторонники всегда основывали свои претензии на демократической легитимности всенародно избранного президента и парламента. Критике подвергались определенные действия западных правительств, но не западные принципы. В частности, правительство США часто ругали за применение двойного стандарта к Гаити и Грузии, двум странам, где всенародно избранные президенты были свергнуты вооруженным путем. "Масонский заговор" тоже понимался весьма узко: поражение нелюбимого Буша первоначально зародило надежды, что свободный от масонской напасти Клинтон поступит как и подабают американскому президенту, т.е. отвергнет "хунту" Шеварднадзе и поможет законному правительству вернуть власть (5). Даже разочаровавшись в этих надеждах, звиадисты не обязательно стали антизападниками.

Звиадисты остаются влиятельной силой, так, что если в Грузии суждено усилиться антизападным настроениям, их среда может оказаться к ним достаточно восприимчивой. До сих пор, однако, можно говорить лишь о тенденциях, а не о сколько-нибудь связной доктрине или мощном движении.

Шеварднадзе: Запад как несостоявшийся спаситель

Описать идеологию или политическую ориентацию тех, кто пришел к власти, свергнув противоречивого, но легитимного правителя, нелегко. Коалицию мало что объединяло, кроме неприятия Гамсахурдиа и убеждения, что для его удаления были допустимы крайние меры. На этой основе объединились либеральные интеллектуалы, жаждущие независимости националисты, настроенная на реставрацию коммунистическая номенклатура и "романтические разбойники". Какие бы интересы и чувства ни двигали каждой из этих групп, никакое восстание не возможно без заявки на легитимность. В данном случае заявка эта однозначно основывалась на идее демократии. Переворот представлял себя как народное восстание за демократию и против диктатуры или "провинциального фашизма", как был позднее заклеен режим Гамсахурдиа.

Но если покинуть сферу идеологических ярлыков, следует помнить, что режим Гамсахурдиа "погорел" прежде всего из-за раскола в его собственном лагере. Первый удар исходил от его же бывших соратников, и у каждого из них могли быть для этого всевозможные личные мотивы. Но один из самых важных политических мотивов заключался в том, что в нем видели неудачника, который настроил против себя Запад - единственного потенциального союзника Грузии, на которого она возлагала большие надежды в борьбе за независимость. Хотя восстанием непосредственно руководил Тенгиз Китовани, скульптор, превратившийся в военного командира,

другие ведущие отступники в той или иной мере были связаны с внешней политикой: премьер-министр, министр иностранных дел, председатель парламентского комитета по иностранным делам. Эти люди непосредственно знали о том, что Запад отверг Грузию. И они не без оснований полагали, что с такой визитной карточкой, как Гамсахурдиа, у Грузии и не было никаких шансов на международное признание.

Это объясняет и то, почему победившая коалиция решила пригласить Эдуарда Шеварднадзе, бывшего коммунистического лидера Грузии и министра иностранных дел СССР, на роль нового лидера. Многие бывшие коммунисты вернулись на свои посты в посткоммунистических странах, и возвращение Шеварднадзе можно было бы рассматривать как одно из (первых) проявлений этой тенденции. Извлекая выгоду из распространенной ностальгии по относительно упорядоченной и обеспеченной жизни, они принесли с собой имидж компетентности в управлении и стабильности после периода стремительных перемен, а иногда и смуты. Гамсахурдиа определил возвращение Шеварднадзе как коммунистическую контрреволюцию, и в этом есть доля истины: коммунистическая номенклатура приветствовала переворот как, по крайней мере частичное, восстановление ее легитимности, тогда как для существенной части населения Шеварднадзе олицетворял прошлую стабильность и надежду на возвращение к ней. Но в его случае было бы упрощением полностью сводить смысл возвращения к элементу реставрации. Шеварднадзе не получал власти от ностальгически настроенного народа; его пригласили, приветствовали или по меньшей мере приняли различные политические силы антикоммунистической и прозападной направленности. Ему ставили в заслугу не столько опыт коммунистического руководителя, сколько вклад в разрушение коммунистической системы. Основная причина, по которой Шеварднадзе получил широкую поддержку как лидер независимой и некоммунистической Грузии, было представление о нем как о единственном лидере, способном наладить отношения с Западом. Уж его-то западные лидеры не будут подолгу держать в своих приемных, как Людовик XIV Сулхан-Саба Орбелиани.

В фигуре Шеварднадзе старая мечта о покровительстве Запада нашла близкое к совершенству воплощение. Его не просто хорошо знали на Западе; это был человек, которому Запад был обязан за вклад в распад своего главного врага. К "моральному долгу" Запада поддержать справедливое требование независимости Грузии, таким образом, добавлялся личный долг Запада ее лидеру. В политической культуре, где политические союзы представлялись, с одной стороны, в виде средневекового типа дружеских связей между князьями, а с другой - клиентелистских отношений, хорошо знакомых из коммунистического опыта, международная известность Шеварднадзе и его личные отношения с западными лидерами не могли не создать почву для огромных нереалистичных ожиданий. Выражаясь словами его сторонника, он был единственным человеком на Кавказе, который мог запросто взять телефонную трубку и позвонить американскому президенту. Более мощный символ личной власти трудно было себе представить. Благодаря Шеварднадзе Грузию отделяла от независимости и процветания лишь пара телефонных звонков.

Уровень наивности мог меняться у разных сторонников Шеварднадзе, но имидж единственного политика, способного обеспечить признание и помощь Запада, стал краеугольным камнем его в других отношениях весьма зыбкой легитимности. Без этого военные руководители типа Китовани и Иоселиани никогда бы добровольно не разделили власть с виртуозом политической интриги - кем, как они хорошо знали, являлся Шеварднадзе. Им было ясно, что с Шеварднадзе во главе их режим имел несравненно больше шансов на признание Запада, и они намеревались оставить его лишь номинальным лидером страны, отдав ему лишь сферу внешней политики. Они понимали, что Шеварднадзе вряд ли примирился бы с ролью марионетки, но надеялись, что находящийся в их руках контроль над "борцами за демократию" (т.е. обретшими официальный статус полувоевными формированиями) окажется достаточным для ограничения его амбиций. И конечно же им трудно было себе представить, что его неблагодарность в конце концов дойдет до того, чтобы посадить обоих за решетку. Как это часто бывает с последователями школы реальной политики (Realpolitik), они трагическим образом недооценили фактор легитимности.

Сразу по возвращении Шеварднадзе, казалось, приступил к выполнению обещаний. В Тбилиси начали появляться такие международные знаменитости, как Джеймс Бейкер и Ганс-Дитрих Геншер, открывались западные посольства, Грузия стала членом ООН, полилась гуманитарная помощь. Если считать приоритетом наведение мостов на Запад, Грузии, без сомнения, крупно повезло с Шеварднадзе. Она получила от Запада, особенно США, Германии, Евросоюза, огромное количество гуманитарной помощи, и без нее стране было бы очень трудно пережить смутное время анархии и войн. Сторонники Шеварднадзе вполне могли нажимать на то, что без него уровень помощи был бы намного ниже (все равно никто не мог этого проверить, не удалив Шеварднадзе). Ожидали, однако, большего. Гуманитарная помощь - это хорошо; однако прежде всего Запад - могущественный и благосклонный покровитель - должен был защитить Грузию и гарантировать ее безопасность перед лицом той силы, от которой исходил основной вызов ее независимости, - России.

Вот эти надежды Запад и Шеварднадзе не могли оправдать. Россия действительно создала угрозу независимости и целостности Грузии - не непосредственно, а через поддержку сепаратистских сил сначала в Южной Осетии, а затем в Абхазии. Война в Абхазии, начавшаяся в августе 1992 и закончившаяся в сентябре 1993 г. разгромным поражением правительственных сил Шеварднадзе, была самым драматическим моментом в новейшей грузинской истории. Грузия потеряла существенную часть своей территории, сотни тысяч людей стали беженцами, а в последующем ей пришлось уступить нажиму России, вступив в СНГ и узаконив российские военные базы на своей территории, что многие восприняли как фактическую потерю суверенитета. Запад не сделал ничего для предотвращения этого. Представленный наблюдателями ООН, он действительно лишь наблюдал, оставив Грузию наедине со своими проблемами.

В чем же было дело? Почему Запад не помог? Разница в ответах на этот вопрос отличала друг от друга два течения политической мысли, определявшие в 1992-1995 гг. ход грузинских дискуссий. Друг другу противостояли, с одной стороны, сторонники Шеварднадзе, а с другой - его антироссийская и националистическая оппозиция. С точки зрения последней, два лагеря разделяла соответственно "пророссийская" и "прозападная" ориентации. Шеварднадзе обвинялся либо в том, что был недостаточно прозападным, либо (в более радикальной версии) в пророссийской (и, следовательно, антизападной) политике. Он так и не преодолел своего коммунистического прошлого (когда запомнился фразой, что в Грузии солнце восходит с Севера) и так и не поверил в независимость Грузии. Запад не помог Шеварднадзе потому, что тот на самом деле не слишком искал этой помощи. Ему не удалось однозначно продемонстрировать свою прозападную ориентацию, он так и не сказал, что в действительности в Абхазии с Грузией воевала Россия, и так и не попросил Запад помочь в борьбе с российской интервенцией. Шеварднадзе никогда не говорил ясно, чего он хочет от Запада, потому Запад его не понял и не смог адекватно отреагировать на ситуацию в Грузии.

Однако сам Шеварднадзе и его сторонники никоим образом не соглашались на ярлык пророссийских политиков. С их точки зрения, на самом деле друг другу противостояли прагматичные реалисты (т.е. они сами) и безответственная, некомпетентная и/или популистская оппозиция. Запад не помог потому, что произошло новое разделение мира между сверхдержавами, в результате которого Запад неформально признал Грузию частью российской сферы влияния. Грузия могла определять свою политику, лишь исходя из этого прискорбного обстоятельства. Ей было дано только делать различие между двумя Россиями: хорошей (демократической, прозападной) и плохой (реакционной, "красно-коричневой", коммунистической). Единственная надежда заключалась в том, что "хорошая" Россия победит и грузинам удастся настроить ее в свою пользу. Хотя в частном порядке обычно соглашались, что, когда дело касается отношения к Грузии, "две России" не слишком друг от друга отличаются. Но все равно, надо было проводить это различие по крайней мере внешне, поскольку таким образом Грузия как бы подыгрывала Западу. Ведь именно Запад, испугавшись красно-коричневой реакции, поддерживал Ельцина, что бы тот ни делал. Придерживаясь формулы "двух России", Грузия пыталась убить двух зайцев: завоевать благосклонность действующего российского правительства и дать понять Западу, что она готова была играть в его политическую игру.

В этом смысле то, что, с точки зрения оппозиции, было пророссийской политикой, фактически можно было представить как, по сути дела, прозападную стратегию. Политика лояльности к России или ее задабривания не имела ничего общего с отрицанием западных моделей построения государства и экономических реформ. В этом Россия не могла служить альтернативой, поскольку она и сама пыталась реформироваться, следуя тем же моделям. Лояльность России была приемлема постольку, поскольку она сама была демократической и прозападной. В своих отношениях к северному соседу Грузии приходилось придерживаться политики Запада, и на самом деле "пророссийский" импульс проистекал именно оттуда. В своем подходе ко всему посткоммунистическому миру, и особенно новым независимым государствам, Запад считал абсолютным приоритетом не создавать дополнительных проблем развитию демократии в России, и если для этой цели полезно было закрыть глаза на российский экспансионизм на Кавказе, дав таким образом возможность неоимпериалистам выпустить немного пара, то почему бы и нет. Уступки Шеварднадзе России, включавшие в себя воздерживание от демонстрации слишком прозападной позиции, совершенно не ухудшили его отношений с западными лидерами.

"Пророссийская ориентация": аспект самоуничижения

Однако представлять "пророссийскую" тенденцию в грузинской политике как чисто прагматически мотивированный политический выбор, никак не затрагивающий базовых прозападных установок, было бы правильно только отчасти. У поворота "назад к России" была и гораздо более глубокая и искренняя сторона, корни и значение которой я постараюсь проанализировать в этой части статьи. Различие между "прагматическим" и "искренним", каким бы глубоким оно ни было, здесь, скорее, аналитично. Оно никогда не было артикулировано настолько, чтобы привести к разделению политических позиций, и не так-то просто четко отделить друг от друга носителей прагматичного подхода "меньшего зла" и тех, кто на самом деле верил, что "мы ничего не сможем достичь без России". Линия есть, но она разделяет скорее индивидумов, нежели партии и группы.

По-настоящему пророссийские (и потенциально антизападные) настроения основывались на чувстве самоуничижения. Несколько лет глубоких внутренних потрясений и хаоса, свидетельства явной политической незрелости, образы нравственного упадка, особенно резкое ухудшение экономической ситуации посеяли среди грузин глубокие сомнения в собственной политической и экономической состоятельности. Сам Шеварднадзе явно не был защищен от этих настроений. В сентябре 1993 г., в самый тяжелый период посткоммунистической государственности Грузии, когда ему пришлось одновременно иметь дело с эскалацией сепаратистской войны в Абхазии, восстанием сторонников Гамсахурдиа в Западной Грузии и возможным разрывом с Джабой Иоселиани и его "Мхедриони" - основной поддерживающей его военной силой, - он сказал собравшимся сторонникам, что "сейчас понял, почему Ираклий подписал договор с Россией". Через пару недель деморализованным остаткам того, что называло себя грузинской армией, пришлось убежать из Абхазии вместе со всеми этническими грузинами, оставляя оружие прогамсахурдиевским повстанцам (звиадистам). Звиадисты наступали в сторону Тбилиси, и растерянные правительственные войска не были способны на серьезное противодействие. Однако и у звиадистов, по-видимому, не хватало сил для окончательной победы. Их ненавидела слишком большая часть населения, и они запятнали себя скрытым сотрудничеством с абхазскими сепаратистами против Шеварднадзе. Страна явно была на пороге распада.

В этих условиях Шеварднадзе пришлось поступиться своей гордостью и принять от России помощь всего через несколько дней после того, как поддерживаемые Россией сепаратисты вытеснили грузин из Абхазии. За эту помощь пришлось заплатить вступлением в СНГ и дальнейшими уступками геополитическим притязаниям России. После этого все изменилось, как по мановению волшебной палочки. Русским не пришлось даже воевать: простого знания того, что они были теперь на стороне Шеварднадзе, вида российских танков (переданных грузинской армии, но, по-видимому, обслуживаемых российскими военными) и особенно кораблей российского Черноморского флота, пришвартовавшихся в порту Поти, было достаточно для того, чтобы деморализовать звиадистов и обеспечить быструю, легкую и окончательную победу правительственным войскам. Сегодня, когда

война в Чечне прояснила истинные возможности российской армии, подобный эффект трудно понять. Но в то время миф российского могущества был очень даже жив и настолько владел умами, что мог оказать решающее влияние на развитие событий.

Этот момент оказался поворотным в посткоммунистической истории Грузии и, если смотреть на него с сегодняшней перспективы, без сомнения, стал началом выздоровления. Да, Абхазия была потеряна (возможно, навсегда), а более чем двести тысяч отчаявшихся беженцев надо было расселить и утихомирить. Но война кончилась, и вместе с ней начала убывать сила разгромленных полувоенных формирований. Шеварднадзе начал консолидировать свою власть, основываясь главным образом на полиции и используя популярный (и вполне своевременный) лозунг борьбы против преступности. Процесс был завершен после неудавшейся попытки покушения на жизнь Шеварднадзе в августе 1995 г., которую он использовал, чтобы посадить в тюрьму последних из своих вооруженных противников. Таким образом, ему удалось выполнить первое и минимальное условие, делающее государство государством: установить монополию на легитимное использование силы.

Но осенью 1993 г. все воспринималось по-другому. Господствовало чувство унижительного поражения - вполне адекватное реальности. Речь шла не просто о проигрыше войны превосходящему по силам противнику (как я уже сказал, в Грузии войну в Абхазии рассматривали как войну с Россией), но об окончательном крушении национального проекта. Несмотря на внешнюю проекцию вины на Россию, подрыв веры в состоятельность Грузии как государства начался уже в период хаоса и беспорядка. "Эс вин вкопилварт - видите, какими (плохими) мы оказались" стало ключевой фразой, выражающей самочувствие нации. Утверждение, что в "глубинном смысле" Грузия - это европейская нация, которой лишь Россия мешает действительно стать частью Запада и быть принятой в НАТО и Евросоюз, было бы теперь встречено с глубоким скептицизмом любым, кроме кучки упрямых "радикальных" националистов. Вступление в СНГ - что трезвый наблюдатель расценил бы как символический акт, сам по себе никак не влекущий потерю независимости, - был воспринят всем политическим спектром как начало конца, как сдача на милость России, за которой последовал бы отказ от остальных элементов грузинской независимости. Вступление в СНГ можно было сравнить с потерей женщиной невинности: если уж она раз уступила непристойным притязаниям, в дальнейшем ей обеспечена карьера шлюхи.

Но капитуляция означала и прекращение напряжения. Грузии больше не надо было воевать. Более того, раз уж Россия вновь завладела Грузией, она будет теперь о ней заботиться. Дороги починят, зарплаты приравняют к российским (весьма низким по западным стандартам, но намного большим, чем в Грузии), потекут эшелоны, нагруженные маслом и сахаром. Эти ожидания не интеллектуальные проекции автора этих строк: некоторые проСНГовские политики вещали подобное с экранов телевизоров и большая часть публики верила, что будет именно так.

С точки зрения сторонников этой позиции, "прозападная" ориентация была одним из проявлений наивности незрелых и безответственных националистов, на которых теперь возлагалась вина за все несчастья Грузии. Какой там Запад? Разве вы не видите, что они продали нас России? В конце концов, что у нас общего с этими аккуратными, но холодными европейцами? Шеварднадзе столько для них сделал, а как они ответили на его проникновенные просьбы? И можете вы себе представить, что мы, грузины, когда-нибудь станем столь же упорядоченными и законопослушными, как они? Нам на роду написано быть вместе с (ну хорошо, под) русскими, и нам следует это признать. И они совсем не так плохи, если к ним хорошо относиться. Если их хорошенько поить и кормить, можно от них немалого добиться, и их женщины всегда с удовольствием занимались с нами любовью. Да, они нас жестоко наказали, но мы это заслужили. Кто на их месте не сделал бы того же самого? И вообще, кто эти хваленые американцы и немцы, как не хорошо накормленные русские?

Это пораженческое в своей сути умонастроение ни в коей мере не было агрессивным антизападным. Оно во многом разделялось не одним представителем культурной элиты, которые придерживались достаточно прозападных ценностей, но не верили в способность Грузии чего-то самостоятельно

добиться. Для них пророссийская ориентация была лишь продолжением элитарного скептицизма по отношению к своему "отсталому" или "азиатскому" народу. Они лучше чувствовали себя с европеизированной российской интеллигенцией, чем с собственной "чернью".

Люди, чьи взгляды можно описать как "пророссийские", обычно не проявляли никакого интереса к "славянофильской" (теперь "евразийской") историософии, исповедующей особую роль России. "Пророссийская" позиция не подразумевала приверженность каким-либо позитивным ценностям, веру в то, что "российская идея" или "российский путь" обладает каким-либо внутренним преимуществом, в силу которого Грузии следует отдать им предпочтение. Она попросту означала отказ от собственной политической индивидуальности, веру в то, что у Грузии на самом деле нет никакого выбора, ей следует лишь подчиниться судьбе, которая удела ей место в фарватере России. Это не означало, однако, отказа от этнических грузинских черт: просто фокус "грузинскости" должен был переместиться с политики на сохранение культурных традиций, в особенности тех, что представлены в ритуалах винопития ("ра дагврчениа - что нам еще осталось?" - такова была ключевая фраза, выражающая этот настрой).

Но, как я уже сказал, если "пророссийский" подход развить в последовательную идеологию, он мог также стать и антизападным. Несмотря на отдельные отклонения в звиадистской среде, ориентация на независимость и Запад всегда составляла в Грузии части одного и того же идеологического пакета. Альтернативный пакет состоял из "пророссийских" настроений и ностальгии по коммунизму. На массовом уровне "пророссийскость" означала стремление к реставрации. Это был всего лишь аспект ностальгии по стабильному и безопасному прошлому - общая черта посткоммунистических режимов, понятным образом более сильная в странах, где расставание с коммунистической системой давалось особенно тяжело. Наиболее активными поборниками пророссийского подхода были директора предприятий старого стиля, видевшие в "восстановлении экономических связей с Россией" панацею от экономического кризиса, с вступлением в рублевую зону в качестве первого шага. Предположительно в этом им удалось убедить и Шеварднадзе, по крайней мере на время. Но они не проявили никакого понимания изменений, происшедших в российской экономике с тех пор, как по вине "безответственных националистов" контакты были прерваны. Они - и их слушатели - представляли себе, что связи будут восстановлены в прежнем виде, когда они были основаны на подкупе соответствующих чиновников в Госнабе и Госплане. "Восстановление связей" могло означать лишь реставрацию всей стоящей за ними политико-экономической системы, в ином случае это выражение было просто лишено смысла.

Короче говоря, пророссийские настроения могли выстроиться в стройную доктрину, лишь развившись в неокommунизм. Несмотря на все обвинения оппозиции, человеком, который прошел этот путь до конца, оказался отнюдь не Шеварднадзе. Последний, в конце концов, обманул ожидания пророссийских неокommунистов, польстившись на обещания Международного валютного фонда и Всемирного банка и даже в новых условиях продолжив игру в геополитический баланс (между Западом и Россией). Но действительно неокommунистическая альтернатива тоже получила развитие, и к осенним выборам 1995 г. именно она стала главным соперником Шеварднадзе. Неокommунисты объединились вокруг кандидатуры Джумбера Патиашвили, последнего лидера упорядоченно-коммунистической Грузии, чья карьера бесславно закончилась побоищем 9 апреля 1989 г. Он получил лишь 19 против 74% голосов у Шеварднадзе, но, если бы не сильное давление на избирателей со стороны местных властей и возможные фальсификации, соотношение могло быть и другим (хотя большинство комментаторов сходятся на том, что Шеварднадзе все же остался бы победителем) (6). Впрочем, Патиашвили в качестве альтернативного лидера явно не хватало харизмы. Возможно, неокommунистам следовало больше надеяться на Игоря Георгадзе, молодого и амбициозного шефа службы безопасности, который (по крайней мере, так считают грузинские власти) решил пойти кратчайшим путем к власти для себя и пророссийской партии, организовав попытку переворота в августе 1995 г. После того как Шеварднадзе остался жив, ему пришлось скрыться в стране, к которой он хотел привести всю Грузию.

Неокommунизм, без сомнения, является самой серьезной альтернативой прозападной ориентации

Грузии. Но, будучи антизападным течением в идеологическом и геополитическом смыслах, эмоционально он в отличие от российского аналога таковым не является. Расставание с коммунизмом не связано для грузин с переживаниями по поводу потери статуса супердержавы: для них некоммунизм действительно связан с коммунизмом, т.е. воспоминаниями о мирном, безопасном и относительно благополучном существовании в условиях коммунистического режима, и с трудностями приспособления к рыночным реформам.

Во многом потому, что некоммунистическим настроениям недостает элемента идентичности, они остаются в основном анти- или неэлитарным феноменом. Во время предвыборной кампании некоммунистам было очень трудно найти людей, способных членораздельно выразить их идеи. Более молодые и современные представители бывшей партийной и интеллигентской номенклатуры, которые тоже не прочь были сыграть на популярной ностальгии, предпочитали называть себя социал-демократами западного типа и свысока смотрели на пророссийских некоммунистов.

Сейчас можно лишь фантазировать о том, как подействовало бы на Грузию возвращение к власти коммунистов в России. Ожидалось, что это подбодрило бы их грузинских коллег и придало бы им больше надежд и уверенности в себе - но в конечном счете могло способствовать большему отчуждению Грузии от России. Грузины, возможно, и испытывают определенную благодарность России за то, что в некоторые периоды истории она способствовала модернизации (т.е. вестернизации) страны. Но грузинские элиты вряд ли с удовольствием последовали бы за Россией в обратном направлении.

Наконец-то они пришли: МВФ и трубопровод

Какие бы глубокие разногласия ни вызывало отношение к России, одно ясно: Россия не оправдала ожиданий - ни позитивных ни негативных, - которые были у сторонников и противников этого шага в момент вступления Грузии в СНГ. Помощь Шеварднадзе против звиадистских повстанцев осталась единственным эпизодом, когда Россия оказала очевидное влияние на события.

Хозяйственные связи в старом понятии "восстановить" не удалось, но не было установлено и сколько-нибудь значимых новых экономических контактов. Россия почти отсутствовала на грузинском рынке, на котором доминировали турецкие, иранские, китайские, болгарские, греческие и другие товары. Ничего не поступило и в виде помощи. Разговоры о вступлении в "рублевую зону" утихли сами собой. Если Россия действительно хотела доминировать в Грузии и остальном СНГ, ей нужно было восстановить рублевую зону, и многие постсоветские страны готовы были туда войти, но она этого не сделала, и имела веские на то основания: не хотела разрушать собственную экономику. Россия принудила Шеварднадзе подписать договоры о защите "границ СНГ" с Турцией, о размещении военных баз в Грузии, но таким образом было лишь узаконено уже существующее положение. В ответ от России ожидали, что она откажется от поддержки своей предполагаемой марионетки - лидера абхазских сепаратистов Ардзинбы, и вернет Абхазию.

На самом деле соглашения с Россией привели лишь к закреплению статус-кво, т.е. Абхазия осталась в руках сепаратистов, очищенной от (этнических) грузин. В Грузии как таковой жизнь улучшилась, прежде всего потому, что полиции удалось нейтрализовать полувоенные формирования, что было сделано без всякой помощи России. Если Россия и заслуживала признательности, то лишь за то, что больше не старалась подорвать стабильность Грузии (или занималась этим менее интенсивно). В общем-то, для Грузии это было немалым приобретением в обмен на уступки. Но пророссийская партия ждала гораздо большего. Россия наказала Грузию, как ревнивый глава семейства (или главарь мафии), которым пренебрегли или к которому проявили неблагодарность; но после того как блудный сын возвратился, она не выполнила функции благосклонного патрона.

Насколько бы искренне ни верил Шеварднадзе в способность и желание умиротворенной России решить грузинские проблемы, вскоре он получил другое предложение, от которого не мог отказаться: кредиты МВФ и Всемирного банка, правда под обязательства решительных перемен в

экономической политике. Начиная с весны 1994 г. руководство экономической политикой Грузии постепенно перешло к МВФ и Всемирному банку. Вместо "вступления в рублевую зону" и "восстановления экономических связей" все заговорили о стабилизации национальной валюты через ужесточение финансовой политики, приватизацию и т.д. Новый курс стал показательным примером того, насколько успешным может быть лидерство МВФ: гиперинфляция была побеждена, новая национальная валюта, лари, введенная осенью 1995 г., вытеснила российский рубль (до того доминировавший на грузинском рынке) за какую-то неделю и с тех пор сохраняет невероятную стабильность, экономическая жизнь начала оживляться, надежды на инвестиции стали выглядеть более реалистичными и кое-где появились даже сами инвестиции (хоть и в небольшом количестве). В сравнении с полной и, казалось, безнадежной катастрофой 1992-1993 гг. этот поворот казался чудом.

Хотя действия международных институтов (естественно, они всегда воспринимались как одно из воплощений Запада) были в основном ограничены сферой фискальной и макроэкономической политики, они идеально попадали в архетипический образ благосклонного (западного) покровителя, и это чрезвычайно важно для понимания их успеха. Никто не сомневался в могуществе этих организаций: их ресурсы казались неистощимыми в сравнении со смехотворным бюджетом Грузинской Республики, они были строги, требовали соблюдения определенных правил, но подразумевалось, что их строгость в конечном счете полезна подопечному. Они олицетворяли строгость и могущество, как и подобает настоящему патрону, заинтересованному в благосостоянии клиентов.

Совершенно ясно, почему прозападные демократы приняли новую политику с распростертыми объятиями. Однако не многим из них пришлось участвовать в ее осуществлении. Сменив политику, Шеварднадзе не слишком беспокоился о смене политиков: если не считать нескольких человек, которые не пользовались большой властью и, по-видимому, не относились к числу его фаворитов, в кабинете доминировали те же самые аппаратчики и директора коммунистического разлива, которые лишь недавно продвигали идею "восстановления связей". Они были политически более приемлемы для Шеварднадзе, чем националистическая оппозиция, зовущая к более резкой и очевидной смене ориентации с России на Запад. Если некоторые теоретики перехода к демократии говорят о "демократии без демократов", Грузия была примером рыночных реформ без рыночников - или почти без них. Однако эти аппаратчики и директора, которые никогда не верили в рынок и которым не могло нравиться то, что навязывали им МВФ и Всемирный банк, тем не менее по-настоящему не сопротивлялись их давлению. Они не знали, как это сделать, поскольку структурно фактор МВФ полностью вписывался в привычный им образ экономического руководства. Наученные следовать указаниям Высшего Руководства, они никогда и не пытались осмыслить какую-либо концепцию экономической политики. Для них МВФ был новым Госпланом. Конечно, они знали, что Руководство следует обманывать, как только оно отвернется в другую сторону, ему следует предлагать взятки, но что касается общей линии экономической политики, в этом надо следовать инструкциям (по-русски они назывались "директивами", в случае с МВФ и Всемирным банком величаются "рекомендациями", но какое значение имеют слова?). Бюджет страны опять, по сути дела, составлялся в другом месте, это было знакомо и комфортно. Жаль было, конечно, что новые люди говорили на другом языке и это осложняло общение с ними старым чиновникам, - но жизнь меняется, надо принаравливаться.

Стабилизация экономики под покровительством МВФ сделала возможным осуществление другой мечты - или по крайней мере приблизила ее осуществление. Речь идет о включении Грузии в международную систему нефтепроводов. Как только Шеварднадзе вернулся в Грузию, он заговорил о том, что страну надо сделать транзитным путем между Востоком и Западом, Европой и Азией. В частности, Грузия - очевидный кандидат для проведения по ее территории нефтепровода, через который транспортируют на Запад каспийскую нефть с контролируемых Азербайджаном месторождений. В принципе Грузия может претендовать и на участие в транзите нефти с месторождения Тенгиз в Казахстане. Пока страна оставалась в состоянии постоянной смуты, никто всерьез не принимал ее предложений. Вместе со стабилизацией в Грузии и, параллельно с этим,

развертыванием гражданской войны в Чечне, находящейся на альтернативной линии нефтепровода через северокавказскую часть России, привлекательность грузинского варианта стала расти. В октябре 1995 г. международный консорциум, ведающий каспийской нефтью, принял политически компромиссное решение использовать как российский, так и грузинский пути, отдав приоритет первому как требующему меньших начальных инвестиций. В марте 1996 г. Алиев и Шеварднадзе, президенты Азербайджана и Грузии, подписали соглашение о строительстве нефтепровода от каспийских месторождений до поселка Супса на Черноморском побережье Грузии (частично используя маршрут старого нефтепровода, который заканчивался южнее Супсы, в Батуми). В декабре 1995 г. Грузию посетил президент компании "Шеврон"; это было признаком того, что транспортировка через Грузию казахстанской нефти тоже может стать предметом обсуждения.

Как бы эти нефтепроводные дела ни развивались в дальнейшем, сам факт, что Грузии удалось убедить Запад (представленный в данном случае нефтяными компаниями), что она достаточно стабильна и надежна для того, чтобы доверить ее территории столь драгоценный продукт, как нефть, можно считать наиболее важным достижением, дающим надежду на будущее экономическое благосостояние. Однако, кроме чисто экономического аспекта, проблема нефтепровода приобрела особую популярность и в силу своих геополитических импликаций. Это арена соперничества России и Запада. Россия жестко противостоит прокладке нефтепровода через Грузию не столько потому, что боится потерять соответствующие доходы, сколько потому, что видит в осуществлении этого проекта конец своему доминированию в Закавказье (которое в таком случае станет Южным Кавказом). Если проект нефтепровода материализуется, это означает, что наконец-то Запад пришел на Кавказ и у него появилась к этому месту более актуальная привязка, чем общее христианское наследие. Цели, к которым стремился Сулхан-Саба Орбелиани, будут, таким образом, достигнуты без обращения в католицизм.

Все это объясняет, почему перспектива нефтепровода не вызвала в Грузии иной реакции, кроме энтузиазма. Тут очевиден контраст с советским проектом транскавказской железной дороги из России в Иран через Грузию, который вызвал в 1987 г. шквал протестов, ставших первым эпизодом национально-освободительного движения. Дело не в том, что нефтепровод выгоднее железной дороги (никто таких подсчетов не делал) или что у грузин в большей степени развилось чувство экономической рациональности (хотя последнее само по себе правильно). Железная дорога еще больше привязала бы Грузию к России, тогда как нефтепровод обещает привязать ее к Западу. Проект транскавказской железной дороги с Россией вызвал бы меньше протестов в 1996, чем в 1987 г., но недовольство все же было бы существенным.

В случае с нефтепроводом ни у кого (кроме, может быть, некоторых из антишеварднадзевских коммунистов) возражений не возникает. Даже "зеленые", возглавлявшие протесты в 1987 г., стали теперь лидерами ведущей прошеварднадзевской партии и пропагандируют решение о нефтепроводе как крупный внешнеполитический успех. Если можно в этой связи говорить о каких-то негативных эмоциях, то это лишь страх того, что мечта слишком прекрасна, чтобы оказаться былью, и Россия все равно не даст ей осуществиться.

Пусть Запад пришел. Но что это такое?

Западное присутствие чувствуется в Грузии больше, чем когда-либо в истории (за исключением короткого периода после Первой мировой войны, когда здесь стояли британские войска). МВФ ведает экономическими реформами, тогда как надежды на будущее процветание связываются с перспективами нефтепровода и возможных западных инвестиций. Открываются западные магазины. На все еще скудном рынке рабочих мест западные посольства, международные организации и неправительственные организации оказались самыми привлекательными работодателями, и существует надежда, что за ними в гораздо более широком масштабе последуют западные компании. Несмотря на все решения о российских базах, молодые люди предпочитают учить английский, а не русский как язык карьеры.

Но поскольку западное присутствие становится реальностью, миф Запада обречен на крушение. Вера во внутреннюю "западность" грузин, проистекающая из христианского наследия или врожденного индивидуализма, уже стала сомнительной. Теперь мало шансов на выживание осталось и у образа Запада, который обязан быть благосклонным покровителем Грузии.

Более прямое столкновение с Западом обнажит основное противоречие между теоретически прозападной ориентацией Грузии и чрезвычайно незападными установками, лежащими в ее корне. Идея Запада как идея Нового Времени пошла дальше своей средневековой предшественницы - идеи христианского мира, хотя в ее цивилизованных интерпретациях связь сохраняется. Идея Запада прежде всего укоренена в идеале свободного, автономного, самодостаточного человеческого индивида. "Прозападная" ориентация же Грузии, напротив, была основана на весьма незападной идее иждивенчества.

Энтузиазм по поводу проекта нефтепроекта подразумевает - и может усилить - видение паразитического благосостояния при щедром покровителе, когда Грузия живет, не слишком напрягаясь, с транзитных поступлений. Имея в виду традиции бюрократизированного и коррумпированного государства, весомое количество доходов в государственную казну (если они появятся), поступающих вне всяких взаимоотношений с собственным народом, может существенным образом препятствовать социальной и политической эволюции в направлении действительной вестернизации, как показывает пример многих богатых нефтью государств. Если государство действительно сможет извлекать достаточно большую прибыль из нефтепроводного бизнеса, у него будет больше шансов сохранить незападную патерналистскую модель самого себя как защитника и кормильца своих перманентно инфантильных граждан. Понимание того, что "прозападная ориентация" означает прежде всего освоение западных ценностей самодостаточности, инициативы, законопослушности, трудовой дисциплины и т.д., а не вступление под покровительство Запада в обмен на верность ему, лишь начинает пролагать путь в сознание грузин. Возможно, опыт выживания в условиях полного распада коммунистического государства на самом деле больше помог этому пониманию (пусть не всегда артикулированному в четкие идеологические формулы), чем навязанная МВФ политика затягивания поясов (хотя последнее влияние тоже сыграло свою роль). Грузия вышла из продолжавшегося несколько лет кошмара политически и экономически более состоятельной, относительно демократической и более независимой, чем можно было предположить пару лет назад. Она пережила свой тяжелый урок, и теперь ее "прозападная ориентация" имеет шанс выйти из мира мифологии и мечтательства.

Легко это не дается. Естественным образом частью процесса будут различные формы антизападной реакции. Сейчас можно только догадываться, каким именно образом эта реакция проявится. Можно предсказать усиление описанных выше и уже существующих, но недостаточно развитых тенденций: культурно-религиозное почвенничество, с одной стороны, и некоммунистическая реакция - с другой. В этих случаях противостояние будет во многом развиваться по дихотомии элита - массы (особенно это касается некоммунистической реакции). Вряд ли подобное движение будет популярно на элитном уровне; последнее также означает, что, если случатся новые потрясения, элиты вряд ли разрешат открыто российскому некоммунизму или почвенническому национализму антизападного типа оказывать слишком большое влияние на определение политических идей. В последнее время прозвучали и голоса за единение с Россией на основе единого православного наследия (естественно, для того, чтобы противостоять натиску МВФ, турецкого капитала и других сатанинских сил). По хантингтоновской модели "борьбы цивилизаций", им полагалось бы определять идеологическую ориентацию Грузии (7). Однако пока среди сторонников этого направления ни одной более или менее масштабной фигуры не появилось.

С другой стороны, есть и признаки того, что недовольство образом "бездушного капиталистического Запада", представленного в данном случае МВФ и Всемирным банком, т.е. типом экономической политики, которую поддерживают эти организации (этот образ может быть еще более усилен в будущем присутствием нефтяных или других западных корпораций), может выразиться через распространение леволиберальных идеологий, характерных для самого

(пост)модернистского Запада. Имеются в виду как классическая социал-демократия, так и более маргинальные движения. Недавно созданное объединение "Левый центр", претендующее стать основным центром оппозиции, собирается заполнить именно эту нишу. В этом случае антизападные чувства окажутся ориентированными на западные же модели, что сделает их вполне приемлемыми для элиты, которая не хочет выглядеть антизападной в этнокультурном смысле. Поэтому от более элитарных и "прогрессивных" грузинских антизападников можно ожидать сближения с западной "культурой противостояния" - и это было бы лишь одним из аспектов вестернизации.

1. См.: Rhineland A., Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. McGill: Queens University Press, 1990.
2. Вот что писал в это время грузинский эссеист, получивший французское образование: "Наш острый субъективизм неведом русским. По сообщениям историков, древние славяне отрубали головы своим одержавшим победы военачальникам: они не могли принять индивидуальности, возвышающейся над средним уровнем. Склонность к однообразию и монотонности с тех пор осталась характерной для русских... Мы никогда не примиримся с этим своеобразным эгалитаризмом и централизмом. Но и наши соседи не приемлют нашего субъективизма. Поэтому духовно мы всегда останемся чужды друг другу" (Кикодзе Г. Эровнули энергия (Национальная энергия). Тбилиси: Изд-во Гр. Цхакая, 1919. С. 161-162).
3. Пониманию этого вопроса я во многом обязан беседам с профессором Тбилисского университета Давидом Нинидзе.
4. Подробнее см.: Nodia G. Georgia's Identity Crisis // Journal of Democracy. 1995. No. 1. P. 104-116.
5. Вот что сказал Гамсахурдиа газете "Картули азри" за несколько дней до инаугурации Клинтона: "В Европе и Америке есть силы, которые могут помочь нам восстановить легитимность и справедливость в Грузии. До сих пор они были парализованы давлением со стороны администрации Буша" (Цхра интервью сакартвелос республикис президент звиад гамсахурдианстан (Девять интервью с президентом Республики Грузия Звиадом Гамсахурдиа). Тбилиси, 1995).
6. См.: Parliamentary and Presidential Elections in Georgia, November 1995: Report from Election Monitoring Program. Tbilisi: Meridian Publishers, 1996.
7. См.: Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. P. 22-49.